

*Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро —
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют.*

А. С. Пушкин

В этом году исполняется 100 лет с тех пор, как русский народ живет без царя. Уже прошли те времена, когда говорить о царской власти можно было только с отрицательной оценкой, а речи о добром царе казались безумными и были небезопасны. Сейчас о монархической идее написаны и изданы целые тома научных исследований старых и новых историков и публицистов. Но современный народ безмолвствует...

Почему он молчит? Да просто потому, что нет теперь устного народного творчества, нет фольклора. Народ в основном смотрит телевизор, отдался в его власть. Но главное — русский народ позабыл о царе-батюшке! Утрачено монархическое национальное сознание! В умах царят хаос и смута...

Однако еще сохранилось в русской культуре, хотя и лежит мертвым грузом, пока не востребованное огромное количество народных песен, посвященных нашим православным царям. В истории русской поэзии также можно найти изобилие стихотворений и поэм о царях вплоть до наших дней. Начнем обзор этой темы в русском фольклоре и литературе с известного стихотворения нашего современника иеромонаха Романа (Матюшина):

*Без Бога нация — толпа,
Объединенная пороком,
Или слепа, или глупа,
Иль, что еще страшней, жестока,*

*И пусть на трон взойдет любой,
Глаголющий высоким слогом.
Толпа останется толпой,
Пока не обратится к Богу!*

Без Бога нация — толпа. На протяжении веков русское государство возглавлял православный царь. Православный царь — помазаник Божий. На Руси таинство миропомазания государя на царство было заимствовано из Византии. Русские цари считали себя восприемниками византийских царей, а Москву — Третьим Римом. Русские ориентировались при этом не на реально существующую традицию, а на представление о теократическом государстве — или как обычно говорят — на представление о православном царстве.

Традиция помазания на царство начинается на Руси с поставления на царство Феодора Иоанновича 31 мая 1584 года, хотя соответствующий чин был составлен еще при Иоанне Грозном Митрополитом Макарием, возглавлявшим тогда Русскую православную церковь. Венчание на царство самого первого русского царя еще не сопровождалось помазанием [Успенский 2000: 27].

В Византии и на Западе помазание венчаемого монарха предшествует венчанию — возложению царского венца. В России оно совершается после венчания, которое уподобляется крещению. Помазание совершалось непосредственно во время литургии вслед за возгласом «Святая Святым», и сразу же после помазания патриарх обращался к царю со словами: «Приступи, царю, аще достоин, помазанный, причаститися»; затем следовало причащение [Барсов; Успенский 2000: 29]. Московский митрополит, или впоследствии патриарх, помазуя царя, произносил: «Печать и дар Святаго Духа» (в позднейшей редакции — «Печать дара Духа Святаго»). Этот возглас соотносится с

новозаветной традицией и, сопровождая миропомазание, уподобляет царя Христу, которого «помазал ... Бог Духом Святым» (Деяния X, 38) [Успенский 2000: 28].

Знаменательно в этом смысле, что если на Западе неправедных монархов обыкновенно сопоставляли с нечестивыми библейскими царями, то в России их сопоставляли с Антихристом [Успенский 2000: 28; Устное сообщение С.С. Аверинцева]. Так, например, называли Лжедмитрия I, а также Иоанна IV Грозного и Петра I их противники [Успенский 1976; 1982; 1996].

Таким образом, весь обряд, связанный с таинством миропомазания на царство, создает образ православного царя, говорит о его священном статусе.

Православные русские поэты знали не только внешнюю сторону этого таинства, но и понимали его глубокую смысл. Это нашло отражение в их творчестве, в их поэтических образах царей: у М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, В. П. Петрова, Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, А. С. Хомякова, Л. А. Мея, А. Н. Майкова, Ф. И. Тютчева, Н. С. Гумилева, С. С. Бехтеева. Священные образы царей были созданы и в произведениях устного народного творчества – в исторических песнях и поговорах.

Н.В. Гоголь писал: «Поэты наши прозревали значение высшее монарха, слыша, что он неминуемо должен, наконец, сделаться весь одна любовь, / и таким образом станет видно всем, почему государь есть образ Божий, как это признает, покуда чутьем, вся земля наша <...>. Высшее значение монарха прозрели у нас поэты, а не законоведы, услышали с трепетом волю Бога создать ее [власть] в России в ее законном виде, оттого и звуки их становятся библейскими всякий раз, как только излетает из уст их слово царь» (Гоголь, VIII, с. 255 – 256).

В истории России цари были разные по их талантам и нравственному достоинству, но их объединяла одна общая, главная для них черта. Они

мыслили масштабно – в масштабах государства и даже в масштабах вселенной, так как они считали себя помазанниками Бога.

Именно эта главная черта православных царей – сакральный масштаб власти – отразилась в образе «Белого Царя» в «Голубиной книге»:

У нас Белый Царь – над царями Царь.
Почему ж Белый Царь над царями Царь?
И он держит веру крешеную,
Веру крешеную, богомольную,
Стоит за веру христианскую,
За Дом Пречистой Богородицы...

А. С. Пушкин в драме «Борис Годунов» один из первых смело продолжил развивать народную мысль о царе праведном и царе неправедном, об истинном царе и царе-самозванце. Крылатыми стали слова его героя царя Бориса: «Да, жалок тот, в ком совесть не чиста».

Наиболее многочисленны поэтические и фольклорные произведения, посвященные противоречивым фигурам первого русского царя – Иоанна IV Васильевича и реформатора Петра I. Справедливости ради, следует отметить, что в народных песнях нет осуждения этих царей. Даже пелись когда-то казаками и такие песни, в которых Иоанн Грозный предстал как православный царь-батюшка, например: «Станица Гребенцов перед Иваном Грозным» (Царь жалует казаков Терекон), «Ой да не быстра реченька шумит...» (Царь жалует казаков Тихим Доном), «Плач казаков по скончавшемся царе Иване Грозном в 1584 г.»:

Ты восстань, восстань,
Ты, наш православный царь.
Православный царь,
Царь Иван Васильевич,
Ты наш батюшка!

Таковыми же словами поминают и умершего Петра I:

Уж ты встань-проснись, православный царь,
Православный царь, Петр Алексеевич!
Подыми ты свою головушку,
Посмотри на свою силушку,
На свою мать Россиюшку.

Во второй половине XIX в., как и в наше время, появились критики Карамзина, его «Истории Государства Российского». Они старались создать новый – положительный образ царя Иоанна Грозного. Это веяние нашло отражение и в поэзии. Так, например, Аполлон Майков в 1887 г. написал стихотворение «У гроба Грозного», в котором он перечисляет заслуги царя перед отечеством и размышляет о тяжелых моментах во время его правления. В начале стихотворения есть такие строки:

...быть может, никогда

На свете пламенной души не появлялось...

Она – с алчбой добра – весь век во зле терзалась,

И внутренним огнем сгорел он... До сих пор

Сведен итог его винам и преступлениям...

Но нечто высшее все медлит с утверждением,

Недоумения толпа ее полна,

И тайной облечен досель сей гроб безмолвный...

Со времен Карамзина образ Иоанна Грозного в гротескном виде был поднят на щит всеми либерально-демократическими и революционными течениями как доказательство тиранического устройства монархии. И это печальный факт нашей истории.

Постепенно в этой среде развилась традиция создавать образ русского царя как тирана и врага народа. Впоследствии это стало официальной идеологией пришедших к власти большевиков. Этот образ тиражируется в книгах по истории русской литературы, в школьных учебниках, на уроках литературы, попадает в комментарии к фольклорным произведениям, изданным в советское время. И этот образ, что самое страшное, заслоняет собой образы других русских царей и в целом идею православного царя.

По безбожному рассуждению, раз Бога нет, то не должно быть и православного царя – помазанника Божия. Таким образом, царь объявляется тираном, узурпировавшим власть. Не случайно большевики так жестоко расправились со служителями церкви. Не случайно и то, что они в

первый же год своей власти принесли кровавую жертву своей атеистической, а по сути демонической, идеологии – убили всю царскую семью.

К сожалению, русские поэты, попавшие под влияние либерально-демократических идей в XIX в., тоже приложили к этому руку, сами не предполагая о последствиях. Вспомним известную всем по школьным годам оду «Вольность» А.С. Пушкина, которую обычно трактовали только в революционном ключе: «Самовластительный злодей./ Тебя, твой трон я ненавижу...». Но вопрос: к кому относятся эти слова? Явно не к русскому царю – современнику Пушкина. Кроме того, есть в этой оде и другие строки о царской власти. Обычно не обращают внимания на то, что слово «Закон» пишется у поэта с большой буквы, поскольку речь идет о вечном нравственном законе – о Божьей правде, а не о либерально-демократическом законе – юридическом праве:

Владыки! Вам венец и трон

Дает Закон – а не природа;

Стоите выше вы народа,

Но вечный выше вас Закон.

И далее слова, применимые и к нашему времени:

О горе, горе племенам,

Где дремлет Он неосторожно,

Где иль народу, иль царям

Законом властвовать возможно!

Для Пушкина истинный православный царь должен следовать Высшему нравственному Закону, подчиняться Божией воле.

К сожалению, мало кому известно стихотворение молодого Ф.И. Тютчева «К оде Пушкина на вольность» (1820 г.), где есть такие строки:

Счастлив, кто гласом твердым, смелым,

Забыв их сан, забыв их трон,

Вещать тиранам закоснелым

Святые истины рожден!

И ты великим сим уделом,

О муз питомец, награжден!..

Но граждан не смущай покою

И блеска не мрачи венца,

Певец! Под царскою парчою
Своей волшебною струною
Смягчай, а не тревожь сердца!

Но было в русской истории и литературе и другое – противоположное веяние. Начиная со времен царя Алексея Михайловича, существовала традиция писать оды, восхваляющие царя. Ее являют Феофан Прокопович, М. В. Ломоносов, В. П. Петров, А. П. Сумароков, Г. Р. Державин и другие менее известные поэты XVIII в. Язык этих од был перенасыщен библейскими цитатами, произносимыми нередко всуе. Видимо, имея в виду чин таинства миропомазания на царство, царя и даже царицу называли Христом и Богом.

Так, у Ломоносова в «Оде на прибытие царицы Елизаветы 1742 г. ...» сам Бог обращается к императрице со словами:

Мой образ чтят в Тебе народы
И от Меня влиянный дух (VIII, с. 85).
О Петре I Ломоносов говорит:
Он Бог, он Бог твой был, Россия
Он члены взял в тебе плотские,
Сошед к тебе от горьких мест. (VIII, с. 109).

Г. Р. Державин более осторожен в библейских сопоставлениях:

Царь – мнений связь,
всех действий причина,
И кротка власть отца едина –
Живаго Бога образец (II, с. 295).

Конечно, издревле существовала церковная традиция уподоблять царя Христу. Она нашла отражение и в самом таинстве миропомазания на царство. Как уже говорилось выше, возглас «Печать и дар Святаго Духа», сопровождая миропомазание, уподобляет царя Христу, которого «помазал ... Бог Духом Святым» (Деяния X, 38) [Успенский 2000: 28].

Однако одно дело – таинство, помазание на царство, которое совершалось во время литургии, а другое дело – светские стихи, восхваляющие конкретного человека и его конкретные земные дела. У многих людей более поздней эпохи это вызывало отторжение. У одних – только отторжение формы выражения священной царской идеи, т.е.

формы, не соответствующей ситуации. А у других, к сожалению, вместе с формой отрицалась и сама эта идея.

Иначе относились к подобной риторической поэзии православные люди, которые воспринимали ее как прямое свидетельство религиозного сознания русских. Вспомним приведенное выше мнение Гоголя.

В поэзии XIX в. традиция славословия царей продолжается. Так, выражением нравственного и религиозного понимания масштаба царской власти был гимн, составленный В. А. Жуковским, «Боже! Царя храни!», который звучит как всенародная молитва. О чем же просил русский народ Бога?

Боже! Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли!
Гордых смирителю,
Слабых хранителю,
Всех утешителю –
Все ниспошли!
Перводержавную
Русь православную,
Боже, храни!
Царство ей стройное,
В силе спокойное!
Все ж недостойное
Прочь отжени!

Сакральный масштаб царской власти существенно отличает царей от временщиков демократического строя (капиталистического или социалистического – не столь важно), которые, как всем известно, избираются не народом, а «электоратом». Фактически это самозванцы, которые мыслят в узких рамках своего краткого срока и своих ограниченных и чисто экономических представлений «о счастье». В поэзии тема неприемлемости либерализма для русской культуры также звучит, начиная с А. С. Пушкина (Из Пиндемонти: «Не дорого ценю я громкие права...»), Ф. И. Тютчева (Напрасный труд – нет, их не вразумишь, / Чем либеральней, тем они пошлее...), А. К. Толстого (Поток-богатырь) и др.

А. С. Пушкин писал:

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цезура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Все это, видите ль, слова, слова, слова.

Многие русские поэты прошлого воспевали православного царя как идеальный образ, так и реально существовавших в истории России царей. Поэтам, понимающим царей только как государственных деятелей, образ православного царя не давался, получалась всего лишь историческая личность (как Петр I у Пушкина в «Медном всаднике», «Полтаве», стихотворении «Моя родословная») или легендарная личность (Иоанн Грозный у А. К. Толстого в балладах «Василий Шибанов», «Князь Михайло Репнин», «Старицкий Воевода» или в народных исторических песнях об этом царе).

Особенно много стихотворений, в которых создается идеальный образ православного царя, посвящено последнему русскому императору — Николаю II и его семье, ныне канонизированным Русской православной церковью.

Первым по времени певцом Царя-мученика был С. С. Бехтеев, поэт русского зарубежья, о котором в России узнали сравнительно недавно. В 2002 году вышло наиболее полное собрание его поэтических произведений в Петербурге, изданное попечением Успенского подворья Оптиной Пустыни. В этой книге содержится большой цикл стихотворений под общим названием «Святой царь». В нем воплощается священный для поэта и всех православных людей образ царя Николая II.

Целая система собственных имен, которую использует автор, призвана создать образ святого царя: Царь (79, 67, 68, 109, 111, 112, 115 и др.), Царь-Вождь (77), Хозяин России (72, 83, 126), Хозяин земли (83), Самодержец в великой Рос-

сии (83), Державный Отец (93), Державный Царь, Отец, Царь-Страдалец ((106, 128), Витязь армии (107), Блюститель святыни Православия, Монарх (108, 116), Изгнанник (110, 113), Страдалец (113), Пресветлый Царь (119), Пресветлый (121), Пресветлый Государь (122), Белый царь, Любимый (122), Царь Благочестивый (123), Царь Самодержавный (124), Царь-Отец Державный, Православный Царь (125), Родной, Самодержавный, Прирожденный Русский Царь (125), Страстотерпец-Царь (128), Святой Царь (131).

Эти собственные имена царя Николая II раскрывают в стихотворениях С. С. Бехтеева духовную значимость этой личности, ее священную историческую миссию и трагическую участь.

Написания именовании Царя с прописной буквы — не только выражение преклонения перед погибшим Монархом, Его Семей и всей Царской Россией, но и знак священного статуса Помазанника Божия. И это не какое-то субъективное мнение поэта, а выражение того векового народного сознания, которое было насильственно разрушено революцией 1917 года. Как писал П. А. Флоренский: «В том-то и дело, что в сознании русского народа самодержавие Царя относится к числу понятий не правовых, а вероучительных, входит в область веры, а не выводится из внерелигиозных посылок, имеющих в виду общественную или государственную пользу» [Флоренский: 374].

До революции это нашло отражение в определенной традиции правописания имен, называющих монаршую особу, в официальных текстах, в публицистике, в художественных текстах. В том случае, если речь шла о конкретной особе, ее имена писались с прописной буквы; а если — о царе вообще, то слово царь писалось со строчной буквы.

Такая традиция написания соблюдалась непрерывно еще и перед революцией, а в советское время была утрачена под влиянием цензуры. (См., например, написания монарших особ в словаре-справочнике «Прописная или строчная?» [Розенталь]). Однако эта традиция сохранилась в эмиграции — в произведениях писателей-эмигрантов, в том числе и в стихотворениях С. С. Бехтеева.

Возникает вопрос: не является ли написание именованний верховного правителя России (Помазанник Божий, Царь, Самодержец, Император, Монарх, Государь) с прописной буквы только выражением придворного этикета и поэтому можно ли отнести эти именованья к собственным именам?

Как отмечает Б.А. Успенский, «конкретное значение царского титула в значительной мере зависит от культурной ориентации» [Успенский: 35]. Слово «царь» (древнерусск. Цьсарь, старослав. Цѣсарь) этимологически восходит к имени римского императора Цезаря [Фасмер]. Первоначально «царями» в Древней Руси называли византийских императоров, и только в XVI в. русский государь принимает царский титул.

Историография монархической власти в России, начиная с XVI в., свидетельствует о том, что именованья монаршей особы имеют статус имен собственных, так как содержат в себе сакральный концепт: священная власть, то есть Богом данная власть, которая всегда личностна, индивидуальна. Так, Б. А. Успенский, рассмотревший семантику монарших титулов на фоне обширного исторического материала, свидетельств Библии и разнообразных западноевропейских и восточнославянских памятников письменности, делает вывод о том, что «в России наименование «царь» воспринималось, в сущности, как имя собственное, как одно из божественных имен — наименование человека «царем» в принципе могло приобретать в этих условиях мистический смысл» [Успенский 2000: 37]. (Сохранена орфография оригинала. — Л. Я.).

Рассмотренный выше культурный контекст подобного именованья объясняет, на наш взгляд, почему поэт С. С. Бехтеев считал монаршую особу священной и все его именованья считал собственными именами и последовательно писал их с прописной буквы: (1) Пройдут века, ночные тени / Разгонит светлая заря, / И мы склонимся на колени / К ногам Державного Царя (106).

Бехтеев знает и глубоко чувствует духовную идею православного царя, поэтому в его поэзии образ Царя Николая II уподобляется библейскому образу Христа. Например, такое понимание Царской Личности пронизывает все стихотворение «Царский венец»:

Лучезарен и светел державный венец,
Много в нем красоты и блистанья,
Он рождает надежды у чистых сердец
И волнует безумцам мечтанья.
Недоступен он страсти и злобе людской,
Не сплетен он из листьев лавровых,
В нем сокрыт величавый, священный покой,
Тайна муки страданий терновых...
Благодатен Его светозарный приход,
Сладко бремя святой Его воли.
Он болеет душой за родимый народ
И состраждет скорбящим в неволе.
Преисполнены правдой и лаской уста,
Чужд Он гневу и казням суровым.
И грядет Он на подвиг стезею Христа,
Озаренный сияньем терновым.

В стихотворениях С.С. Бехтеева оживает духовная связь евангельских событий с событиями русской истории. В стихотворении «Николай II», которое было написано автором в 1917 году, на третий день «бескровной» русской революции (Бехтеев: 71), русский Царь уподобляется Иисусу Христу:

В те дни, когда мы все так низко пали,
Везде мне грезится священный Образ Твой,
С глазами, полными божественной печали,
С лицом, исполненным небесной добротой...

Слепой народ, обманутый лжецами,
За чистоту души Твоей святой
Тебя клеймит постыдными словами
И казни требует над кем же ... над Тобой!
Не так ли пал и Царь коварной Иудеи,
Мессия истины, народная мечта.

В стихотворении «Видение дивеевской старицы» (1922 г.) образ Христа и образ Царя сливаются в один в глазах молящейся отшельницы:

Смотрит — и видит, молитву честную творя,
Рядом с Христом — Самого Страстотерпца
Царя.

Лик его скорбен; печаль на державном Лице;
Вместо короны стоит он в терновом венце;
Капли кровавые тихо спадают с чела;
Дума глубокая в складках бровей залегла.
Смотрит отшельница, смотрит, и чудится ей —
В Облик единый сливаются в бездне теней
Образ Господень и Образ Страдальца-Царя...

В XX веке, начиная с революционной эпохи, тема Православного Царя звучит как тема духовной трагедии русского народа. К ней обращаются, не только историки и политики, но и православные поэты. ■

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алмазов Александр. История чинопоследований крещения и миропомазания. — Казань, 1884.
2. Барсов Е.В. Древнерусские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами. С историческим очерком чинов царского венчания в связи с развитием идеи царя на Руси. — М., 1883. оттиск из «Чтений в Обществе истории и древностей российских при имп. Московском университете.», 1883, кн. 1.
3. История царей, воспетая в веках. Историко-литературная хрестоматия. Изд-во «Царское дело», СПб, 2001.
4. Успенский Б.А. Царь и Бог / Избр. тр. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. — М.: «Гнозис», 1994. С. 110—193.
5. Успенский Б.А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен. — «Художественный язык Средневековья». — М., 1982. С. 201-235. Переиздано: Успенский Б.А. Избранные труды. Т.1. Семиотика истории. Семиотика культуры. — М., 1996. — С. 142—183.
6. Успенский Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). — М., 1998.

7. Успенский Б.А. Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов. — М.: Языки русской культуры, 2000. — 144 с.

8. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины / П.А.Флоренский. Соч. Т. 1, М., 1990.

9. Флоренский П.А. Диалектика / П.А.Флоренский. Соч. Т. 2. У водоразделов мысли М., 1990.

10. Царь и царство в русском общественном сознании. — М, 1999.